

Научная статья

УДК 330.88

EDN [BNZUNX](#)

DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).2

А.А. Атанов, В.А. Рудяков✉*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*Автор, ответственный за переписку: В.А. Рудяков, fmened@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «НОРМА»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одной из центральных категорий институциональной теории — «норма». Проблема определения этой категории, на наш взгляд, имеет истоки в других общественных дисциплинах. Очевидно, что во-многом объективно, исследователи заимствуют само определение из юридических наук. Однако, формально-правовой подход имеет целый ряд понятийных и логических противоречий, зачастую сводя саму категорию к некоей идеологеме. Мы же считаем, что норму нужно рассматривать более структурно, удерживая в системе смыслов и в системе ценностей, что более характерно для институциональной теории. Как мы понимаем, сама категория нормы тесно переплетается с другими категориями — «власть», «государство» и т.д. Как нам кажется, оставаясь исключительно в рамках формально-правового подхода, высок риск подмены, когда вместо формы власти в виде государства начнет проявляться другая форма власти, которая продолжает называться государством. При этом основное отличие, как нам кажется, в том, что особый акцент делается на политику, а не на право. Совершенно иначе обстоит дело в институциональном подходе, где ценностное основание является неотъемлемым элементом самой структуры функционального института. Сравнительному анализу этих двух концепций и посвящена статья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Методология, норма, право, государство, институты.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 30 мая 2022 г.; дата принятия к печати 29 июля 2022 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2022 г.

Original article

A.A. Atanov, V.A. Rudyakov✉*Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*Corresponding author: V.A. Rudyakov, fmened@mail.ru

CATEGORY OF NORM: COMPARATIVE ANALYSES OF FORMAL LEGAL AND INSTITUTIONAL CONCEPTIONS

ABSTRACT. The study considered one of the central categories of institutional theory — category of norms. The problem of defining this category is relevant to other social sciences. It is obvious that researchers borrow the definition of a norm from legal disciplines. However, formal legal approach has a number of notional and logical contradictions that leads to an ideologem. In the article a norm is considered in a more structural way within a framework of meanings and values that are more typical characteristics for the institutional theory. The category of norms is closely connected with such categories as authority, state and others. When applying only formal legal approach there is a high risk of substitution when instead of the state as a form of authority emerges another form of authority, which is still called a 'state'. Moreover, special emphasis is placed on politics but not on law. Institu-

© Атанов А.А., Рудяков В.А., 2022

tional approach demonstrates quite different perspective as axiological foundations are essential in the structure of a functional institution. These two conceptions are compared in the article.

KEYWORDS. Methodology, norm, law, state, institutions.

ARTICLE INFO. Received May 30, 2022; accepted July 29, 2022; available online August 31, 2022.

Начнем наше исследование о связи общественного знания с системой соответствующих институтов с работы над базовыми понятиями, характерными для исследований в области права.

Вспомним определение юридических норм В.М. Хвостова, который указывает, что материал для юридических норм дает сама народная жизнь. [1, с. 32]; «Право имеет своей целью регулировать внешнее поведение членов общества, установив такие нормы, чтобы никто не мог своими поступками нарушать интересов государства, частных лиц и неприкосновенность чужой личности» [там же, с. 18]; «Нормы права защищаются от нарушения, главным образом, путем организационного принуждения» [там же, с. 19].

Отметим, что советский юрист Туманов определяет право, как «совокупность устанавливаемых или санкционируемых государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия, включая принуждение. С помощью права класс или классы, держащие в руках государственную власть, определенным образом регламентируют отношения и поведение людей и их коллективов, закрепляют в качестве обязательного, охраняемого законом тот строй общественных отношений, который отвечает интересам этих классов». Определяя право, Туманов усложняет определение, вводя ряд дополнительных понятий: власть, и почему-то приравненные к правилам поведения — нормы, классы. Сущности, на которые происходит ссылка в определении, видоизменяются в процессе определения, и в результате указывают на совершенно другие понятия, с которыми в системе определения должно взаимодействовать право.

Нужно помнить, что необходимо выстроить четкую понятийную и ценностную форму суждений, только в ней возможно корректное правовое суждение, а также научное и философское. То есть, по сути, нам нужно расшифровать действительный смысл предлагаемых нашему вниманию суждений. Хотя первое основание было выделено — это право, но оно в ходе авторского построения определения, было почему-то перемещено в систему классовых взаимодействий, что абсолютно не характерно для имеющихся в праве исторических закономерностей.

Отметим, что нормы, по мнению В.М. Хвостова, регулируют только внешнее поведение, а у В. Туманова идет отсылка к общей обязательности норм, об их изменчивости, или о связанной с нормами системе ценностей речи уже нет. Норма у В. Туманова закостеневшая, в ней существенным образом поменялся смысловой и идеологический контекст, появляется такое образование как «политическое», которое он относит к праву.

Ж. Рансьер определяет «политическое» следующим образом: «У нас спрашивают: что такое политическое? Я отвечу, как можно короче: политическое есть встреча двух гетерогенных процессов. Первый — это процесс управления. Он состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними и основан на иерархическом распределении мест и функций. Такой процесс я назову полицией. Второй процесс связан с равенством. Он состоит во взаимодействии практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации этого равенства. Наиболее подходящим термином для обо-

значения этого взаимодействия является эмансипация» [2, с. 99]. Из этого определения следует, что политическое объединяет два процесса, будучи не сводимым не к одному из этих процессов, процессы эти совершенно по-разному организованы, но почему-то основанием для них в системе взаимодействия оказывается эмансипация.

Нужно помнить, что первый процесс иерархический, по своему содержанию, второй процесс — это вовсе не процесс, а система практик равенства. Идет структурное, но при этом условное объединение этих процессов, но не через взаимодействующие сущности, а простое указание на место встречи, терминологически выделяется объект = *x*. Из такой определенности «политического» следует, что мы совершим грубую ошибку соединив право и «политическое», контекст соединения их у Ж. Рансьера структурный (процессы, соединение, объект = *x*), а не понятийный. Можно сказать, что нормы (норма — это не процесс, она может соединиться с процессом, только если она определена или же в том случае, когда процесс, хоть как-то связан с ней, а не наоборот) связываются с процессами. На каком основании устанавливается связь между этими понятиями «норма» и «процесс»? Как можно ввести основание, которое будет достаточным для установления и определения форм взаимодействия норм и процессов в обоих направлениях: от нормы к процессу, и от процесса к норме?

Понятийная определенность требует, что для построения корректного (хотя бы логически) суждения нужно четко понимать с чем мы имеем дело: с полицией, с эгалитарным взаимодействием или с правом. Последовательность значимости понятий и закладывает структуру определения. Если мы, в угоду нашим целям, несколько искусственно, данную совокупность явлений называем правом, логически и структурно создается смешение процессов, явлений и понятий. Если ключевое понятие «управление», то сущность управления в любом случае не может заключаться в праве. Равенство — это взаимодействие практик, формальных и неформальных институтов, и определяется отнюдь не правом. У Ж. Рансьера это *возможная* форма организации социальных процессов и социальных практик, а не система норм, описывая все это в системе категорий, можно констатировать, что форма — объективная категория, в то время как норма субъективная. Или же в субъективном аспекте, равенство начинает пониматься как сущностная определенность мыслящих людей в системе ценностей, мы выдаем желаемое за действительное. Фактически же темы равенства как таковой взятой в системе реальности, а не норм, не существует, единственное основание создающее равенство — это единство всех людей в том, что они люди, мы объективно используем категорию «единство». Обратим внимание именно на этот аспект, при построении суждения в связанности понятий — необходимость оформления той или иной формы единства, иначе понятия распадаются и носят произвольный характер.

Логика определения и построения последовательностей процессов и понятий должна быть совершенно другая. Нам кажется, что именно через право и в системе права, можно создать «нормальное» общество. К сожалению, историческая действительность не знает длительных периодов функционирования «нормального» общества, по крайней мере в нашей стране, именно для него характерно наличие исторической, экономической и политической стабильности. Ключевым моментом функционирования «нормального общества» является отсутствие внешней инспирации любого рода, влияющей на изменение социальных структур. В сложившейся сейчас в мире ситуации во многом пострадали, прежде всего, права человека (причем не только и не столько на территории России), а также связанная с ними система обязанностей как

адекватной формы функционирования, а не правовые институты, исчезло право, а не закон.

Возвращаясь к определению В. Туманова, нужно отметить, что в самом определении, есть система понятийных и логических противоречий. Одно из ключевых противоречий, противоречие государства и права. Право, во многом, вневременное *ценностное понятие*, связанное с человеческой природой. Государство *историческое понятие*, связанное с реализацией не столько права, сколько власти. Право, по своей сущности и в данном контексте, весьма опосредованно связано с государством. В системе порождающих определений государство вынужденно опираться на правовой механизм, а не наоборот. Нужно помнить, что именно в праве есть предельно общее и понятное основание, которое может превращать государство в правовое. Именно, отсутствие этого основания, больше всего смущает в концепции юриста, работающего в марксистской методологии. Еще один настораживающий момент это — примат государственности, что находится в противоречии с марксистским тезисом отмирания государства при социализме. Исходя из такого понятийного построения юридической мысли, возникает вполне резонный вывод, что тип общественного устройства, названный социализмом, понятийно соотносится с совершенно другим общественным устройством, о чем и сигнализирует нам структура мышления юриста, вынужденного опираться не на понятие «право», а на понятие «государство», хотя речь вроде идет о праве. В этом контексте марксистская установка об отмирании государства никак не соответствует действительному положению вещей, реальность (отображаемая и юридически, в описании и в реальных понятиях) говорит об усилении государства (причем идет оперирование преимущественно концепцией классов, остается дискуссионным вопрос о том, насколько советское государство, особенно в описываемый период в шестидесятые, в семидесятые годы двадцатого века, является классовым). Если оно классовое, то нужно проводить исследования, и эти исследования могут оказаться весьма интересными, но для этого нужно убрать из системы (познание, знание, исследователь), тему принуждения. Если исследователь принуждаем, то он просто лжет, и сам предельно четко осознает это. Кроме того, в системе построения мысли есть несоответствие между объемом и содержанием, используемых автором понятий, большой объем и большая наполненность структуры Туманова у понятия «государство», причем государство определяет право, система равновесного определения понятий, просто отсутствует.

Давайте, для создания нового контекста нашего анализа, взглянем на понятие «норма» через контекст социальной науки — социологии. Социология как наука имеет объект, предмет и методологию исследования, естественно весьма сильно редуцированные из-за влияния марксизма. Основание для включения социологии в нашу исследовательскую программу есть, так как в социологии используется историческая понятийная система (связанная с исторической методологией и историческим методом, весьма популярным в марксизме), которой после марксистского преобразования права и правоведения стали активно пользоваться советские юристы. Обратим внимание, что наука и научное знание «сминается» под влиянием идеологии марксизма.

Во многом подобная традиция характерна и для современных исследователей, когда абсолютно не выстраивая, и даже не проговаривая какое-либо понятие, категорию — сразу делается переход к внешним формам проявления объекта исследования [3].

Социолог Ю. Левада определяет социальные нормы (опираясь еще на философские концепции, характерные для советского периода [4]) как «исторически

сложившиеся или установленные каким-либо образом стандарты деятельности, соблюдение которых выступает для индивида и группы необходимым условием их подчинения определенному социальному целому: в системе социальных норм фиксируются определенные критерии этого целого. Всякая система социальных норм предполагает наличие: 1) определенных общественно-значимых стимулов деятельности (выступающих в качестве целей, идеалов, ценностей); 2) образцов или правил «нормального» для данной системы поведения или обозначения границ его допустимых вариантов; 3) санкций за уклонение от социальных норм».

Обратим внимание, что у Ю. Левады нормы (даже социальные) не имеют абсолютного исторического характера, но с другой стороны подчинены понятию «деятельность», тоже марксистскому. Возникает вопрос о характере социального целого, которому подчиняются индивиды и группы, т.е. у нас есть функционирующая система принуждения, но в отличие от В. Туманова, у социолога она не описана, и даже не названа. Юрист понятийно гораздо честнее социолога, или же, что тоже весьма вероятно, социолог боится реально описать это социальное целое, заставляющее подчиняться, или же не умеет этого делать. Социолог подчиняется системе принуждения, а не системе анализа. Тогда его реальный рассказ должен быть рассказом о личном страхе, который он испытывает и о структуре этого страха, чего он на самом деле боится.

Испуганный, прячущийся человек, обычно ненавидит то, что заставляет его бояться. Страх и ненависть ведь тоже могут выступать в качестве ценностей. Стимул деятельности — это все же не про норму. Образец — это не норма, образец — это образ чего-то, что может обладать абсолютно произвольным содержанием. С санкциями, думаем все понятно — весьма интересная трактовка нормы, которая всегда, по мнению автора, связана с санкцией (наказанием). В его систему анализа и определения социальной нормы вписан страх наказания. Но тогда марксизм — это форма прикрытия страхом реального положения вещей, страх в этом контексте, реально ослепляет или убивает разум. Марксизм создает иллюзию, скрывающую истинное положение вещей. На любой вопрос, генерируется готовая система псевдоответов, для таких целей можно использовать только такие мыслительные и идеологические системы, из которых исключены (или в них никогда не было) четких научных понятийных оснований. Например, что такое классовая борьба, это научное понятие или форма социальной практики? Не то, и не другое. Если — это научное понятие, его нужно отнести к области совершенно конкретной науки. Если — это форма социальной практики, тогда в ней в предельно четком виде должны описываться как возможные цели (цель), так результаты. Пролетарская революция — это вид классовой борьбы, ее результатом должно быть построение бесклассового коммунистического общества. Возникает ряд совершенно практических вопросов. Как это общество построить? Где это общество построено? Постольку, как мы можем наблюдать, и цели, и результаты на практике оказываются совершенно другими, не такими как декларировалось, отсюда следует, что имеющийся «понятийный» аппарат их не описывает, далее, что для целей описания не используются реальные понятия, суждения и умозаключения, то есть нет понятийно-логического аппарата, указывающего на реальное явление действительности. Вместо понятий используются мыслительные клише или идеологемы, приводя к тому, что исследователь, принимающий подобный подход вынужден «довольствоваться стереотипами, выработанными в обществе, живет в мире иллюзий и бежит от реальности» [5, с. 219].

Но чувство страха говорит само за себя, выступая в качестве безусловного реального основания исследования, автор проговаривается о нем, когда в систему описания норм вводится наказание, что в свою очередь может указывать на страх

наказания. Основанная на таких основаниях социальная система (описываемая автором), характеризуется отсутствием свободы. Обратим внимание на то, что наказание в такой системе внешнее. Внутреннего понимания себя и своих чувств нет, такая система не дает личности возможностей для разворота на себя, лучше не знать, что с тобой происходит на самом деле и что ты чувствуешь в реальности. Есть государство, есть наказание, но нет права как ценности. Ценности заведены на тему насилия и привязаны к теме насилия. Социальная норма оформляется в контексте страха перед насилием, и в ситуации отсутствия выбора. В лучшем случае, само понятие ценности подменяется термином «социальная солидарность», абсолютно игнорируя при этом, на чем эта самая «солидарность» базируется у реальных людей [6].

Судя по всему, вместо формы власти в виде государства появляется другая форма власти, которая продолжает называться государством. В этой новой форме акцент идет на внешнее, а не на внутреннее. В таких системах во всех формах организации жизни, акцент делается на политику, а не на право. В.И. Ленин называл политикой «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач содержания и деятельности государства». И далее «Политика есть концентрированное выражение экономики». Свой тезис В.И. Ленин сформулировал, дискутируя о профсоюзах и текущем моменте с Бухариным и Троцким. Ленин утверждал, что «политика не может не иметь первенства над экономикой». А попытки оппонентов примирить политику и экономику, допуская, что «политический подход равноценен „хозяйственному“, что можно брать „то и то“, называл не диалектическим подходом, а эклектикой¹. В новой форме власти («государства») примирить не удалось даже политику и экономику. Права здесь нет ни каком виде.

Давайте посмотрим, как изменились понятийные основания в определении государства, в анализируемый нами исторический период. Можно сослаться на определение юриста Н. Александрова который исходит от все той же «марксистской» парадигмы, что «Государство — политическая организация экономически господствующего класса для подавления сопротивления его классовых противников»². Думаем — это вполне логичное и корректное определение, соответствующее историческому моменту и властной ситуации, но никак не «марксистской» парадигме. Но неизвестная нам парадигма диктует новые правила, где юридические понятия и определения живут своей жизнью, которая явно подчиняется системе власти. Акцент в определении все же делается на класс, с другой стороны класс подавляющий, и класс подавляемый не определены. Возникает несколько болезненный контекст рассмотрения проблемы, чтобы его уловить, можно вспомнить предшественника Маркса и Ленина, утопического социалиста А. де Сен-Симона, который предлагал уничтожить юристов. Даже косвенное присутствие права в рассуждении, даже маленькая отсылка к тому, чего сейчас нет, создает рамки и границы, свистопляске понятий, точно указывая на реальное положение вещей, при отсутствии ценностного и правового основания [7]. Подобного рода проблема вполне вероятно может косвенно порождать и целый ряд прикладных дисфункций. Например, снижать личную ответственность сотрудников правоохранительных органов в сфере межличностных и производственных отношений [8].

Если мы вернемся к «нормальной» ситуации, то после наших наблюдений совершенно очевидно, что норму нужно удерживать в системе смыслов и в системе ценностей, Н.М. Коркунов высказывается в рамках именно этой традиции: «Юридические нормы представляют все отличительные признаки норм этиче-

¹ Полное собр. соч. 5 изд. 1963. Т. 42. С. 278.

² Там же. Т. 1. С. 395.

ских. Соблюдение требований права не ведет к непосредственному осуществлению никакой материальной цели. Право только определяет рамки осуществления разнообразных интересов, составляющих содержание общественной жизни» [9]. Норма выступает в качестве основания нормального государства. Можно обратиться к В.А. Туманову с его определением права, как совокупности устанавливаемых или санкционируемых государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия, включая принуждение. Стоит обратить внимание на то, что Н.М. Коркунова право определяет рамки интересов. Тогда следует вопрос: «Интересы в его определении приравнены к общественной жизни, тогда что служит основанием рамок»? То есть право — это рамки? Отсюда следует вопрос о корректности и адекватности рамок? Они транслируются из имеющихся интересов, но если интересы общественные, то они историчны, а, следовательно, право в той форме в которой его описывает В.С. Нерсисянц [10], отстаивая первичность права в целом в его соотношении с отдельными правилами (нормами) права не совсем корректен. Причем В.С. Нерсисянц на самом деле отсылает к старой традиции «Дигест», к римскому юристу Павлу: «Не из правила (regula) выводится право, но из существующего права должно быть создано правило» (Д.50.17.1). По сути тогда право безвременно, и не исторично.

В.С. Нерсисянц указывает на то, что последовательная логико-юридическая, а не нормативная или ценностная определенность, в трактовке нормативности права указывает, что из существующего права можно создать (вывести) правило (норму) лишь в том случае, если существующее право само концептуально понимается как единое исходное основополагающее правило (норма). То есть, определение оказывается тавтологическим, нам нужно отличать правило (норма) и единое правило (норма). Причем понятие или категория «единство» не определено. Как отличить одно от другого, и как сделать правило в теории и на практике единым, многим и двойственным? Существует методология выстраивания единства. Но в указанном примере, речь идет о единстве, а не о едином. Возникает вопрос, что такое единое правило? На каких основаниях предикат единое может быть отнесен к правилу, или же наоборот предикат правило может быть отнесен к единому?

Смотрим как у В.С. Нерсисянца: «Такого *последовательного концептуального понимания нормативности права, включающего в себя понимание исходной юридико-логической основы этой нормативности понятия права в целом как единой нормы*, нет не только у римских юристов, но и у современных нормативистов. Показателен в этом плане нормативизм Г. Кельзена, трактующего право, как систему норм. Г. Кельзен видит основание нормативности позитивного права и «действительности всех норм» не в самом позитивном праве (не в том, что само право в целом — это единая норма права), а вне позитивного права — в некой трансцендентально-логически постулируемой «основной норме», которая не является нормой позитивного права».

Нужно помнить, что норма и с социальной, и с этической, и с правовой точки зрения не может быть единой. Единое — это не многое, и не может быть описано как особое (правовое, нормативное, обладающее и выражающее правила). Единое находится за пределами этих определений, так как оно не связано с системой различий и дифференциаций — по очень простой причине, оно единое. Единое — это не «вещь в себе», а то, что предшествует всем возможным определениям.

В этом контексте Г. Кельзен прав, говоря об основной норме, настаивая на ее трансцендентности и логичности (по сути, он ведет речь о системе ценностей права), избегая и уходя от необходимости формулирования единой нормы, отсылка

идет к структурам человеческого опыта, имеющего ограничения, а не отсылка к праву как таковому, строящемуся неизвестно на каких основаниях у Нерсисянца. Хотя можно предположить, что в самом деле основания есть (структурно мы заходим в тему бытия, а не в тему ценностей), с точки зрения аксиологии (гипотетически) они связаны с двумя темами (ценностями): справедливость и истинность. Если терминологически определять юридическую реализацию реальных процессов, а не норм, то она сводится к основаниям власти и насилия. В этих областях у человечества богатая практика, но, к сожалению, не в области теоретической реконструкции, а в реальном проживании двух составляющих. Этот опыт нельзя назвать общечеловеческим. Власть для того, чтобы быть реализованной должна быть понята, и в этом контексте насилие должно быть осознано.

Тогда получается, что прав В.А. Туманов? Не совсем так. Ведь он говорит не о власти и насилии, а о государстве. Возникает вопрос: «Государство — это воплощение власти и насилия»? Сомневаемся, ведь институциональный подход к анализу общества основывается на наличии формальных и неформальных институтов. Юридическая система общества, так же, как и государство относится к формальным институтам, но можно ли считать тему власти монополией государства? Право находится за пределами, институционализации, будучи качественно другой природы.

По В.С. Нерсисянцу «Норма права — это общее правило регулирования общественных отношений, согласно которому его адресаты должны при определенных условиях (гипотеза) действовать как субъекты определенных прав и обязанностей (диспозиция), иначе последуют определенные невыгодные для них последствия(санкция)». Возникает технологический вопрос как норма может определять адресата и указывать на него? Адресация носит избирательный характер, она связана не с механизмом нормы, а с практической реализацией властного института. В результате такого воздействия адресат превращается в субъект прав и обязанностей, что на уровне логики взаимодействия кажется весьма сомнительным.

Несколько иной, более обобщенный и, на наш взгляд, — более структурированный подход к осмыслению нормы права можно найти в работах институционалистов.

Так, например, Э. Остром и С. Кроуфорд в своей «Грамматике институтов» стремятся нивелировать терминологическую путаницу, характерную для многих работ, разделяя (а в последствии — синтезируя и выводя друг из друга) такие категории, как «общая стратегия», «норма» и «правило». [11, с. 31–33]

Согласно их концепции, стратегия — это предписание, инструкция действовать определенным образом. Стратегия всегда на кого-то направлена (адресована субъекту или их группе) и описывает желательное положение вещей в определенной обозначенной ситуации.³ Однако сама по себе стратегия не гарантирует ее институализацию и совершенно не обязательно стихийно трансформируется в норму права или общее правило. Очевидно, что сама возможность такой «стихийной трансформации» и легла в основу методологического ядра марксизма, плавно переключаваясь в обозначенные ранее правовые подходы.

Для того, чтобы будущий институт выполнял функции координации и мотивации, стратегия должна обладать свойством сопричастности. То есть необходимо ее разделение большинством участников взаимодействия в новом для нее качестве — «нормы». Для этого необходимо наличие ряда условий.

Во-первых, введение предписывающего действия — может/не может, должен/не должен, которое и трансформирует стратегию в норму. Суть этой трансформа-

³ В качестве примера, как правило, приводят стратегию — «в случае разъединения телефонного разговора, звонящий перезванивает первым».

ции заключается в создании благодаря предписаниям дополнительных выгод и издержек, носящих как внутренний (преимущественно ценностный), так и внешний характер.

Во-вторых, само присутствие экзогенных выгод и издержек подразумевает существование субъекта-наблюдателя, исполняющего функции как мониторинга за выполнением норм, так и информирования всех остальных субъектов об имеющихся нарушениях.

Переход от нормы к правилу происходит путем внедрения и закрепления еще, как минимум, двух элементов. Во-первых, это «санкционное» предписание за нарушение нормы, содержащее указание на форму, объем и диапазон дополнительных издержек (санкций), накладываемых на нарушителя. Во-вторых, наличие субъекта-контролера, вводящего и реализующего санкции.

Рассмотренная структура, не смотря на ее логичность и четкость имеет ряд неоднозначных моментов.

Сами субъекты-наблюдатели/контролеры должны регулироваться действием дополнительных норм-правил, с вытекающим отсюда спиралевидным характером надсистемы.

Не до конца понятно кто или что должно лежать в изначальном основании определения формы, объема и диапазона санкций.

И, наконец, при таком подходе мы не находим однозначного ответа на вопрос кто или что должно являться источником права, выполняя функцию институциональной селекции из всего многообразия возможно-доступных альтернативных стратегий.

Не разрешение этих вопросов может приводить как к вырождению правила (закона) в сторону нормы и далее, так и к полной потере их легитимности в глазах субъектов взаимодействия.

Есть ли тот, кто откажется от произвола и тотальности (а также законов), заключенных во власти, во имя наделения кого-то другого своими полномочиями? Механизм таких метаморфоз не понятен, если не употребляется понятие «власть», причем как понятие, полностью отделенное от оснований права. Процесс осуществляется в системе механизмов, прячущих истинное содержание процессов, то есть мы имеем дело с чистой метонимией, содержание которой находится в центре неназываемой структуры. Необходимо акцентировать внимание, что в данном случае, правило становится общим, теряя характеристики единства, то есть мы понятийно воспроизводим другое явление, к которому уже не относится ни единое, ни право, ни закон в их предельных основаниях.

Сам институциональный процесс формализации нормы права, на наш взгляд, можно отобразить следующим образом (рис.)

Мы считаем, что в подобного рода институционализации существует целый ряд (отмеченных нами двойной стрелкой) индетерминированных связей. Существенные ошибки (сознательные или нет) в санкционном и/или селективном блоках,⁴ могут оказать отрицательное влияние на всю систему в целом (в форме обратной связи), приводя к ряду негативных последствий — дисфункциям правовой подсистемы. А в самом предельном варианте — к трансформации вплоть до полного размытия основания институционального блока [12], что будет иметь в качестве внешнего проявления переписывание истории, уничтожении протоинститутов, изменение «географии». На наш взгляд во многом подобные ошибки методологически обусловлены тем сущностным подходом, который мы подвергаем критике, сведением государства к правовой системе и т.д.

⁴ Оказывая свое воздействие назад по цепочке.

Логика институционализации нормы права

Список использованной литературы

1. Хвостов В.М. Система римского права / В.М. Хвостов. — Москва : Юрайт, 2019. — 540 с.
2. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер. — Москва : Праксис, 2006. — 240 с.
3. Рузина А.Ю. Принцип конституционной идентичности и права личности: в поиске золотого сечения / А.Ю. Рузина. — DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(4).30 // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 12, № 4.
4. Философская энциклопедия. В 9 т. / под. ред. Ф.В. Константинова. — Москва : Сов. энцикл., 1967. — Т. 4. — 592 с.
5. Богодельникова Л.А. О пользе и вреде философии / Л.А. Богодельникова. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(1).214-224 // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 214–224.
6. Леонова С.В. Конституционный принцип социальной солидарности как основа консолидации российского общества и государства / С.В. Леонова. — DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(4).562-567 // Известия Байкальского государственного университета. — 2021. — Т. 31, № 4. — С. 562–567.
7. Якимова Е.М. Становление концепта равновесия экономической основы конституционного строя как универсального аксиологического метапринципа / Е.М. Якимова. — DOI 10.17150/2308-2488.2020.21(2).304-321 // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 2. — С. 304–321.
8. Малахаева С.К. Взаимосвязь локуса контроля с профессиональной мотивацией сотрудников МВД / С.К. Малахаева. — EDN [MWKWUA](#). — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).21 // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 1.

9. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. — Москва : Юрайт, 2019. — 352 с.
10. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсисянц. — Москва : ИНФРА-М, 2021. — 560 с.
11. Капелюшников Р.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 / Р.И. Капелюшников. — EDN [LDFRML](#) // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 1. — С. 12–58.
12. Атанов А.А. Гипотеза об аксиологическом основании институционализации общественных отношений / А. А. Атанов, В. А. Рудяков // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 2. — С. 253–273.

References

1. Khvostov V.M. *The System of Roman Law*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 540 p.
2. Rancière Ja. *Aux bords du politique*. Paris, La Fabrique, 1988. 261 p. (Russ. ed.: Rancière Ja. *Aux bords du politique*. Moscow, Praxis Publ., 2006. 240 p.).
3. Ruzina A.Yu. The Principle of Constitutional Identity and Individual Rights: In Search of the Golden Ratio. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 4. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(4).30.
4. Konstantinov V.F. (ed.). *Philosophical Encyclopedia*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1967. Vol. 4. 592 p.
5. Bogodelnikova L.A. The Benefit and Harm of Philosophy. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 214–224. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).214-224.
6. Leonova S.V. Constitutional Principle of Social Solidarity as a Basis for the Consolidation of the Russian Society and States. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 562–567. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(4).562-567.
7. Yakimova E.M. The Establishment of a Concept of Equilibrium of the Economic Basis of the Constitutional Order as a Universal Axiological Metaprinciple. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 2, pp. 304–321. (In Russian) DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(2).304-321.
8. Malakhaeva S.K. Correlations between Locus of Control and Professional Motivation of Employees of the Ministry of Internal Affairs. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 1. (In Russian). EDN: [MWKWUA](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1).21.
9. Korkunov N.M. *Lectures on general theory of law*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 352 p.
10. Nersisyan V.S. *General Theory of Law and State*. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 560 p.
11. Kapelyushnikov R.I. The multiplicity of institutional worlds: nobel prize in economic sciences-2009. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Higher School of Economics Economic Journal*, 2010, no. 1, pp. 12–58. (In Russian). EDN: [LDFRML](#).
12. Atanov A.A. Hypothesis on the Axiological Basis of the Institutionalization of Public Relations. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 2, pp. 253–273. (In Russian).

Информация об авторах

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, директор Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, заведующий кафедрой философии и искусствознания, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, atanovaa777@gmail.com, SPIN-код: 6749-3884, AuthorID РИНЦ: 263946.

Рудяков Василий Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики предприятия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, fmened@mail.ru, SPIN-код: 4650-1365, AuthorID РИНЦ: 512678.

Authors

Andrey A. Atanov — D.Sc. in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Culture, Social Communications and Information Technology, Head of the Department of Phi-

losophy, Art Studies and Journalism, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, atanovaa777@gmail.com, SPIN-Code: 6749-3884, AuthorID RSCI: 263946.

Vasilii A. Rudyakov — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, fmened@mail.ru, SPIN-Code: 4650-1365, AuthorID RSCI: 512678.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Атанов А.А. Сравнительный анализ формально-правовой и институциональной концепций определения категории «норма» / А.А. Атанов, В.А. Рудяков. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).2. — EDN [BNZUNX](#) // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 3.

For Citation

Atanov A.A., Rudyakov V.A. Category of Norm: Comparative Analyses of Formal Legal and Institutional Conceptions. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 3. (In Russian). EDN: [BNZUNX](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).2.